

Коммуникемы с семантикой побуждения в коми языке

Н. И. Гуляева

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
guljaevan@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье проанализированы коммуникемы с семантикой побуждения в коми языке. Предметом исследования являются интенции коммуникантов и имплицитные смыслы, передаваемые данными синтаксическими единицами.

Цель: выявить и описать наиболее употребительные коммуникемы с семантикой побуждения в коми языке, их прагматические особенности и специфику функционирования в речи.

Материалы исследования: коммуникемы, полученные методом сплошной выборки из произведений коми художественной литературы.

Результаты и научная новизна. В данной статье впервые комплексно проанализированы коммуникемы с функцией побуждения в коми языке, описаны их семантические и прагматические особенности.

Коммуникемы с семантикой побуждения служат сигналами намерений (интенций) адресанта и имплицитно выражают его волеизъявления. С их помощью коммуникант добивается нужного ему действия от адресата, принимая на себя директивную роль. Данные конструкции кроме непосредственного волеизъявления чаще всего содержат экспрессивный и эмоционально-оценочный компонент, который легко считывается собеседником.

Коммуникемы с семантикой побуждения относятся к экспрессивным средствам языка и активно употребляются в разговорно-диалогической речи, отличаются лаконичностью формы и ёмкостью плана содержания.

В работе представлена классификация данных языковых единиц, выделены модели построения наиболее употребительных коммуникем с исследуемой семантикой.

Результаты могут быть использованы при чтении курсов по синтаксису коми языка.

Ключевые слова: коми язык, коммуникант, коммуникема с семантикой побуждения, категорическое побуждение, смягчённое побуждение.

Для цитирования: Гуляева Н. И. Коммуникемы с семантикой побуждения в коми языке // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 446–452.

The communicemas with the semantics of motivation in the Komi language

N. I. Gulyaeva

*Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvka, Russian Federation,
guljaevan@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article analyzes the communicemas with semantics of motivation in the Komi language. The subject of the research is the intentions of communicants and implicit meanings conveyed by these syntactic units.

Objective: to identify and describe the most common communicemas with the semantics of motivation in the Komi language, their pragmatic features and the specifics of functioning in speech.

Research materials: the communicemas obtained by the method of continuous sampling from the works of Komi fiction.

Results and novelty of the research: for the first time the article comprehensively analyzes the communicemas with the function of motivation in the Komi language, their semantic and pragmatic features are described.

The communicemas with the semantics of motivation serve as the signals of intentions of an addressee and implicitly express his wills. With their help, a communicant achieves the desired action from an addressee, assuming a directive role. In addition to direct expression of will, these constructions most often contain the expressive and emotionally-evaluative component that is easily read by an interlocutor.

The communicemes with the semantics of motivation are expressive means of language and are actively used in colloquial dialogic speech; they are distinguished by laconic form and capacity.

The article presents the classification of these language units, and identifies the models for construction of the most commonly used communicemes with studied semantics.

The results of the work can be used in courses on the syntax of the Komi language.

Key words: Komi language, communicant, communiceme with the semantics of motivation, categorical motivation, softened motivation.

For citation: Gulyaeva N. I. The communicemes with the semantics of motivation in the Komi language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (3): 446–452.

Введение

В коми языке активно используются синтаксические экспрессивные построения, передающие различные интенции адресанта, так называемые коммуникемы. Данные конструкции обладают семантической и синтаксической нерасчленённостью, интенциональной заданностью, экспрессивно-эмоциональной окрашенностью. Их основными функциями являются выражение коммуникативных намерений коммуниканта, его эмоциональной реакции на факты лингвистического и экстралингвистического характера, его отношения к действительности, побуждения, различных этикетных моментов, вопроса, утверждения или отрицания [6, 277].

Коммуникемы в коми языке встречаются в разговорной речи и являются спонтанной реакцией на какое-либо явление, высказывание и т. д. Они представляют собой значимую составляющую коммуникации и реализуют особую функциональную нагрузку, состоящую в компенсации отсутствующих элементов коммуникации, в придании речи большей экспрессивности в сравнении с замещаемым членимым высказыванием, что соответственно ведет к сокращению самого речевого акта.

До настоящего времени коммуникемы с семантикой побуждения в коми языке не являлись объектом специального изучения. Ранее нами были исследованы коммуникемы других видов [4; 5; 6; 7]. В русском языкознании комплексно данные синтаксические единицы рассматривались в работах В. Ю. Меликяна [11; 12; 13; 14; 15; 16], Л. Бо [3], С. В. Андреевой [1], Е. В. Шелестюк [18]. Коммуникемы с семантикой побуждения являлись объектом изучения в исследованиях Е. Г. Ахалаци [2], В. А. Краснова [10], С. Е. Давидович [8], Л. К. Парсиевой и Л. Б. Гацаловой [17]. В зарубежной лингвистике коммуникемы этого вида были охарактеризованы Ф. Амекой [20, 21], Дж. Матисоффом [23], Д. П. Вилкинсом [24], А. Л. Либертом [22].

В настоящем исследовании проанализированы выявленные автором коммуникемы с семантикой побуждения, в частности их семантические и прагматические особенности.

Материалы и методы

Источниками исследования послужили коммуникемы с семантикой побуждения из текстов коми художественной литературы, извлечённые методом сплошной выборки. Всего было выявлено около 70 коммуникем и более 140 реализаций их в текстах.

Теоретической базой для подготовки статьи послужили научные труды В. Ю. Меликяна [12; 13; 15], С. Е. Давидович [8], Е. Г. Ахалаци [2].

В качестве основного в работе применялся описательно-аналитический метод.

Результаты

Коммуникемы с семантикой побуждения служат сигналами намерений (интенций) адресанта и имплицитно выражают его волеизъявления. С их помощью коммуникант добивается изменения поведения, нужного ему действия от адресата, принимая на себя директивную роль. «Говорящий, находясь в условиях непринуждённого, неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить своё «речевое поведение», поэтому он легко прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам и стереотипам» [9, 6].

Данные синтаксические единицы относятся к экспрессивным средствам языка и активно употребляются в разговорно-диалогической речи. Как и коммуникемы других видов, они отличаются лаконичностью формы и ёмкостью плана содержания, «обладают специфическими формой и содержанием, которые детерминированы принципами экономии и асимметрии языкового знака» [2, 6], «характеризуются повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, что обуславливает их эстетическую ценность» [10, 6].

В коми языке коммуникемы данного типа по прагматической силе можно разделить на две группы, которые так же можно разбить на подгруппы по характеру выражаемого значения:

1. Коммуникемы, выражающие категорическое побуждение:

а) со значением приказа, изначально не предполагающим отказа:

Зина. Ме муна!

Юля. Сулав! (Г. Юшков). ‘Зина. Я пошла! Юля. Стой!’.

Люба. Морт өти румкаён и...

Роза. Мый «и»?

Люба. Туйё! (Г. Юшков). ‘Люба. По одной рюмке и...» Роза. Что «и»? Люба. В дорогу!’.

Секлетя. Но!? Абу өд тэнад мөд пөлс. Быдённы откодъс сетёны. Видзёдлы ассьыд, он кё верит.

Парук (дөзмө). Видзёдлытөг ог ов. На! (Сетё кабаласё Секлетялы) (Г. Юшков). ‘Секлетя. Ну!? У тебя же такая же. Всем одинаковые дают. Посмотри на свою, если не веришь. Парасковья (злится). Конечно, посмотрю. На! (Протягивает документ Секлтея)’.

Юрий горөдс:

– *Ноко!* Лэдзчысьёй пыжсьыс!.. (П. Шахов). ‘Юрий крикнул: Ну-ка! Отцепитесь от лодки!’ (букв. слазьте/спуститесь с лодки).

Огапя. Вай! Вай! Вай! (зильё мырддыны). (Г. Юшков). ‘Агафья. Давай! Давай! Давай! (пытается отобрать)’.

б) со значением, выражающим требование сосредоточить внимание на чем-либо, команды:

Габё. Кызылдой!.. Онись Гришайд талунья споруйтөмсьыд пиньсё йирны кутас мян вылө, лёкысла, кёнкө, өні ку пиас оз тёр, быд ногыс кутас зыртчыны мян вылө... (В. Савин). ‘Габэ. Послушайте!.. Онись Гриша после сегодняшнего спора на нас зуб будет иметь, наверное, от злости из кожи вон лезет, по любому поводу будет к нам придирааться...’.

– *Внимание!* Снимайтa, – аппаратын точмунис, нывбаба веськөдчис (И. Торопов). ‘Внимание! Снимаю, – в аппарате щёлкнуло, женщина выпрямилась’.

в) с семантикой запрета, требованием к прекращению каких-либо действий, предостережением против чего-либо, обычно с угрозой ответного действия:

Весиг пöрысь бабаяс ставныс видз вылө петисны, а тэ, колхозлөн, кыдзи шуасны, ветеран, век честнöя, бура уджавлин, а талун со дезертируйтан...

– *Но-но!* – югнитис сингыснас Прокопий да ещö ёнджыка горөдс. – Тэ, вокö, төд, кутиём кывъясөн шыбласян! (А. Матвеев). ‘Даже пожилые женщины все на сенокос вышли, а ты, колхозник, как говорится, ветеран. Всегда честно, хорошо работал, а сегодня вот дезертировал... – Но-но! – сверкнул глазами Прокопий и ещё громче закричал. – Ты, брат, знай, какими словами кидаешься!’.

– *А ме паныд петала, – шуис аслыс моз.*

– *Он лысьт!* – сыланьö и веськөдс Башлыкков карабинсö (Г. Юшков). ‘А я выйду навстречу – прошептал он. – не смей! – направил на него свой карабин Башлыкков’.

– *Тырмас!* – чорыда орөдс Лезин. – Серавны некор (И. Пыстин). ‘Хватит! – жёстко прервал Лезин. – Некогда смеяться’.

– *О, господьö! Да тайö тай...*

– *Тс-с-с-с!* Ньöжйөдджык, – гөтырсö өлөдс учитель (Я. Рочев). ‘О, господи, да это же... – Тс-с-с-с! Тихо, – унял свою жену учитель’.

Марпа. Лысьтан ещö курксьыны! (Кутчысьö юрсиас да новлөдлө отарө-мөдарө).

Огапя. Ой-ой-ой!

Юля (видана) Мамö! (Г. Юшков). ‘Марфа. Будешь ещё ко мне цепляться! (Хватает за волосы и таскает туда-сюда) Агафья. Ой-ой-ой! Юля (ругая) Мама!’.

К этой же группе можно отнести коммуникемы с семантикой побуждения, которые употребляются при обращении к животным. Они широко распространены в коми языке. Данные синтаксические единицы используются в качестве своеобразных словесных сигналов для побуждения домашних животных к какому-либо действию либо выражают запрет на него. Их «конвенционализация свидетельствует о стремлении номинирующего человека к выработке инвентаря устойчивых кратких сигналов, способных наладить успешную коммуникацию, особенно с теми, кто не владеет языком» [19, 144]:

Симон пузис.

– *Буско! Ус!.. – понйыслы горөдс сийö* (Я. Рочев). ‘Симон вышел из себя. – Буско! Фас! – закричал он собаке’ (команда собаке, соответствующая по значению словам Хватай! Кусай!).

Сеня бергөдчис яглань, кутис чуксавны понсö:

– *Сьта! Вьюн, сьта! Лок татчö!* – Сенялөн грозöмыс шызьөдс ягысь чөв-лөнсьö (И. Титов). ‘Сеня повернулся к лесу, начал подзывать собаку: Ко мне! Вьюн, ко мне! Иди сюда! – Сенин крик нарушил безмолвие леса’.

Понийыс уськөдчылис вөтчаны, но Микулай удитис горөдны сылы: **Шыть!** (Г. Юшков). ‘Собака бросилась за ним, но Николай успел ей крикнуть: Шыть!’.

2. Коммуникемы, выражающие смягчённое побуждение:

а) со значением, содержащим призыв о помощи:

Гришалон гөлөс. Восьты, колөкө!

Марпа (ныксьө тийөтши кокнас). Ой-ой-ой!

Караул! (Г. Юшков). ‘Голосом Гриши. Открой! Марфа (подпирает дверь ногой). Ой-ой-ой! Караул!’.

Вывти окота лои узьны, но поли с кыммөмысь, та вөсна, кымынкө минут куйлыштөм бөрын, сийө кызмырдөн чеччис, лэдзчысис пу динө да кумысь помья мый вынсьыс горөдис:

– **Ау!..Ау!.. Ау-у-у!!!** (Я. Рочев). ‘Сильно захотелось спать, но он боялся замёрзнуть, поэтому полежав несколько минут, он с усилием поднялся, прислонился к дереву и три раза подряд что есть мочи закричал: Ау!..Ау!.. Ау-у-у!!!’.

б) с семантикой просьбы:

Өньө. Петр Иванович! Петро! Позьö?

Шутемов. Позьö (П. Шахов). ‘Андрей. Пётр Иванович! Петро! Можно? Шетемов. Можно’.

– **Содта?** – *ызьөдис Юрикыс, кор усьышитис өдыс* (Г. Юшков). ‘Добавлю? – провоцировал его Юрик, когда жар (в бане) стал убывать’.

в) со значением разрешения:

– *Коді теремас олө? – гурйив восьса өдзөсө тотикөдчис* Олексей.

– **Пырөй,** – *пачводзянь занавес сайсянь чукөстчис Лена и паныдөн петис* (П. Шахов). ‘Кто в тереме живёт? – постучал Алексей в настежь открытую дверь. – Войдите – отозвалась из-за печки Лена и вышла навстречу’.

Өньө. Петр Иванович! Петро! Позьö?

Шутемов. Позьö (П. Шахов). ‘Андрей. Пётр Иванович! Петро! Можно? Шетемов. Можно’.

Содта? – *ызьөдис Юрикыс, кор усьышитис өдыс.*

Содты! *Пельөй кыммө!* (Г. Юшков). ‘Добавлю? – провоцировал его Юрик, когда жар (в бане) стал убывать – Добавь! Уши мёрзнут!’.

В коми языке наиболее распространёнными моделями построения коммуникем с семантикой побуждения являются императивные формы глагола:

Ланьт! *Код сэн сёрнитө!* – *өдзөс дорсянь горөдис часөвөй* (И. Пыстин). ‘Молчи! Кто там разговаривает! – крикнул часовой, стоящий около двери’.

Вод! – *кылис батыслөн чорыд гөлөсыс. Пон кывзысьөмөн нюжөдчис кильчө пос вылө* (Э. Полякова). ‘Ложись! – послышался жёсткий голос отца. Собака послушно растянулась на ступеньке крыльца’.

Кыскө жө тэнө сэтчө.

Вешйы! (Г. Юшков). ‘Что-то же тянет тебя туда. – Отойди!’.

Часто употребляются побудительные коммуникемы, построенные на основе частиц и междометий:

Додь ныр бокин сулалысь ямцик стрөга лэптышитис сөвика сойсө:

Но-но! *Ёна эн нетикөй, висьө мортыс!* (И. Пыстин). ‘Ямщик в совике, стоящий возле саней, строго поднял руку: Ну-ну! Сильно не дёргайтесь, человек болен!’.

Мый тэныд, сийө и меным, – вочаалис Лыткин.

Шы-шы-шы! – *өлөдана пушкышитис Поликарп* (Г. Юшков). ‘Что тебе, то и мне, – ответил Лыткин – Ш-ш-ш! – предупреждая отозвался Поликарп’.

Чөв нин, коньөрүшка, – нерышитис Тамара да чеччис пызан сайысь.

Ноко! – *сойбордйөдыс кутис сийөс Латкин* (Г. Юшков). ‘Успокойся уже, бедненький, – съязвила Тамара и встала из-за стола. – Ну-ка! – Латкин удержал её за руку’.

Распространены коммуникемы с семантикой побуждения, построенные на основе неполного предложения:

– **Пыжө!** *Ю мөдарө якөрла вуджалам! Нолтө, Прокө, пыркнитчыв, семь-восемь!* (Г. Фёдоров). ‘В лодку! На другой берег за якорем сплавляем! Ну-ка, Прокопий, соберись, семь-восемь!’.

И боецьясөс быттьө вына төвныр лэптышитис кын му бердысь да тойышитис водзө, көні виччысис смерть либө победа:

– **Водзө!**

Цепөн разгысьөмөн рота котөртө еджыд поле вомөн (Г. Федоров). ‘И будто ветер сильный ветер поднял и толкнул бойцов вперёд, туда, где их ждала смерть либо победа: Вперёд!’.

Необходимо отметить, что данный вид коммуникем, как и все другие виды, максимально зависит от контекста и конситуации. Их использование в разговорной речи, а также в диалогах художественных произведений помогает максимально точно передать характер окружающей атмосферы и интенции адресанта (автора), придаёт речи напряжённость, динамичность и экспрессию.

На наш взгляд, абсолютно справедливым является утверждение Е. Г. Ахалкаци, что сфера диалогической коммуникации диктует данным языковым конструкциям свои правила и законы, вынуждая приспособляться к ним. Поэтому их нельзя квалифицировать как «излишки» языка, «нарушения» и т. п. Данные синтаксические единицы представляют собой явление положительное для всей системы языка и занимают в ней своё особое место [2, 22].

Обсуждение и заключение

Коммуникемы с семантикой побуждения кроме непосредственного волеизъявления чаще всего содержат экспрессивный и эмоционально-оценочный компонент, который легко

считывается собеседником.

По степени воздействия на адресата (прагматической силе) данные языковые единицы можно разделить на две группы: выражающие категорическое и смягчённое побуждение, которые в свою очередь по семантическим значениям дифференцируются на подгруппы (приказа, требования, запрета, просьбы, разрешения, призыва о помощи).

Синтаксические единицы обеих групп строятся по общим моделям, наиболее распространёнными являются синтаксические единицы, построенные на основе глаголов в императивной форме, а также неполнозначительных частей речи – местоимений и частиц, что обусловлено их областью функционирования (разговорная речь).

Список источников и литературы

1. Андреева С. В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции. М.: КомКнига, 2006. 192 с.
2. Ахалкаци Е. Г. Коммуникемы со значением волеизъявления: структурно-семантический, этимологический, парадигматический и речевой аспекты (на материале английского языка в сопоставлении с русским): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 24 с.
3. Бо Л. Русские экспрессивные синтаксические конструкции как коммуникативные единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 23 с.
4. Гуляева Н. И. Эмоционально-оценочные коммуникемы в коми языке // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов Европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия. Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции (9–13 октября 2017 г., Сыктывкар). Сыктывкар: [б. и.], 2017. С. 106–108.
5. Гуляева Н. И. Коммуникемы со значением утверждения/ отрицания в коми языке // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Сб. статей по итогам XI Международного Симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 244–246.
6. Гуляева Н. И. Коммуникемы в коми языке: функционально-семантический аспект // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сыктывкар: [б. и.], 2019. С. 14–31. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).
7. Гуляева Н. И. Коммуникемы с отрицательной эмоциональной оценкой в коми языке // Финно-угорский мир. 2019. №3. С. 277–283.
8. Давидович С. Е. Коммуникемы в речи школьников: экспериментальные данные // Актуальные проблемы филологии. 2017. № 14. С. 54–57.
9. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 278 с.
10. Краснов В. А. Коммуникемы со значением волеизъявления в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 24 с.
11. Меликян В. Ю. Экспрессивные текстообразующие функции коммуникем // Филологические науки. 1998. № 1. С. 52–61.
12. Меликян В. Ю. Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь. Ростов-на-Дону, 1999. 200 с.
13. Меликян В. Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 42–49.
14. Меликян В. Ю. Модели построения нечлененых предложений со значением утверждения (отрицания) // Русский язык в школе. 1999. №5. С. 71–82.
15. Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2004. 288 с.

16. Меликян В. Ю. Этикетные коммуникемы в системе русского языка // Русский язык за рубежом. 2012. № 6. С. 57–62.
17. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Грамматические средства выражения эмотивности в языке. Владикавказ: ИПО СИОГСИ, 2012. 181 с.
18. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие. Онтология и методология исследования. М.: Флинта: Наука, 2014. 344 с.
19. Шкапенко Т. М. К проблеме лингвистической категоризации междометий // Известия высших гуманитарных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2016. 7 (2). С. 141–145.
20. Ameka F. Interjections: The universal yet neglected part of speech // Journal of Pragmatics. Norht-Holland. 1992. № 18. Pp. 101–118.
21. Ameka F. The meaning of phatic and conative interjections // Journal of Pragmatics. 1992. № 18. Pp. 245–271.
22. Libert A.R. On conversational valence and the definition of interjections // Proceedings of the 42nd Australian Linguistic Society Conference – 2011. Canberra: ANU Research Repository, 2011. Pp. 281–295. URL: https://eprints.soas.ac.uk/23731/1/AustLinguisticSocConf42_2012.pdf. (дата обращения: 27.03.2020).
23. Matisoff J. Blessing, curses and fears. Psycho-ostensive expressions in Yiddish. Philadelphia. PA: Institute for the Study of Human Issues, 1979. 200 p.
24. Wilkins D. P. Interjections as deictics // Journal of Pragmatics. 1992. № 18. Pp. 119–158.

References

1. Andreeva S. V. *Rechevye edinitsy ustnoj russkoj rechi: sistema, zony upotrebleniya, funktsii* [Speech units of oral Russian speech: system, zones of the use, functions]. Moscow: KomKniga Publ., 2006. 192 p. (In Russian)
2. Akhalkatsi E. G. *Kommunikemy so znacheniem voleizyavlenija: strukturno-semanticheskij, jetimologicheskij, paradigmaticeskij i rechevoj aspekty (na materiale anglijskogo yazyka v sopostavlenii s russkim)* [Communicemas with the meaning of will: structural-semantic, etymological, paradigmatic and speech aspects (on the material of the English language in comparison with the Russian)]. Rostov-na-Donu, 2006. 24 p. (In Russian)
3. Bo L. *Russkie jekspressivnye sintaksicheskie konstruksii kak kommunikativnye edinitsy* [Russian expressive syntactic constructions as the communicative units]. Voronezh, 2015. 23 p. (In Russian)
4. Gulyaeva N. I. *Jemotsional'no-otsenochnye kommunikemy v komi yazyke* [Emotionally- evaluative communicemas in the Komi language]. *Filologicheskie issledovaniya – 2017. Fol'klor, literatury i yazyki narodov Evropejskoj chasti Rossii: formy, modeli, mehanizmy vzaimodejstviya. Sb. statej po itogam Vserossijskoj nauchnoj konferentsii (9–13 oktjabrja 2017 g., Syktyvkar)* [Philological studies – 2017. Folklore, literature and languages of the peoples of the European part of Russia: forms, models, mechanisms of interaction. Collection of articles on the results of the All-Russian Scientific Conference (October 9–13, 2017, Syktyvkar)]. Syktyvkar: [w/p], 2017. pp. 106–108. (In Russian)
5. Gulyaeva N. I. *Kommunikemy so znacheniem utverzhdeniya / otritsaniya v komi yazyke* [Communicemas with the meaning of affirmation / denial in the Komi language]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ja i Urala. Sb. statej po itogam XI Mezhdunarodnogo Simpoziuma (Cheboksary, 21–24 maja 2018 g.)* [Language contacts of the peoples of the Volga region and the Urals. Collection of articles on the results of the XI International Symposium (Cheboksary, May 21–24, 2018)]. Cheboksary: ChGU Publ., 2018. pp. 244–246. (In Russian)
6. Gulyaeva N. I. *Kommunikemy v komi yazyke: funktsional'no-semanticheskij aspekt* [Communicemas in the Komi language: functional and semantic aspects]. *Aktual'nye voprosy komi i permskogo yazykoznanija* [Actual issues of Komi and Perm linguistics]. Syktyvkar: [w/p], 2019. pp. 14–31. (*Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTS UrO RAN. Vyp. 77*) [Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Iss. 77]. (In Russian)
7. Gulyaeva N. I. *Kommunikemy s otricatel'noj jemotsional'noj otsenкой v komi yazyke* [Communicemas with negative emotional assessment in the Komi language]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2019, no. 3, pp. 277–283. (In Russian)
8. Davidovich S. E. *Kommunikemy v rechi shkol'nikov: jeksperimental'nye dannye* [Communicemas in the speech of schoolchildren: experimental data]. *Aktual'nye problemy filologii* [Actual problems of philology], 2017, no. 14, pp. 54–57. (In Russian)
9. Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryaev E. N. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshhie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General issues. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 278 p. (In Russian)
10. Krasnov V. A. *Kommunikemy so znacheniem voleizyavlenija v yazyke i rechi* [Communicemas with the meaning of expression of will in language and speech]. Rostov-na-Donu, 2006. 24 p. (In Russian)

11. Melikyan V. Yu. *Jekspressivnye tekstoobrazujushhie funktsii kommunikem* [Expressive text-formation functions of the communicemas]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1998, no. 1, pp. 52–61. (In Russian)
12. Melikyan V. Yu. *Problema statusa i funkcionirovaniya kommunikem: yazyk i rech'* [Problem of the status and functioning of the communicemas: language and speech]. Rostov-na-Donu, 1999. 200 p. (In Russian)
13. Melikyan V. Yu. *K probleme grammaticheskoy i slovoobrazovatel'noj paradigmy kommunikem* [To the problem of grammatical and word-formation paradigm of communicemas]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of linguistics], 1999, no. 6, pp. 42–49. (In Russian)
14. Melikyan V. Yu. *Modeli postroeniya nechlenimyh predlozhenij so znacheniem utverzhdeniya (otritsaniya)* [Models of construction of undivided sentences with the value of affirmation (denial)]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian language at school], 1999, no. 5, pp. 71–82. (In Russian)
15. Melikyan V. Yu. *Sovremennyy russkij yazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozheniya: Uchebnoe posobie* [Modern Russian language. Syntax of an undivided sentence: textbook]. Rostov-na-Donu: RGPU Publ., 2004. 288 p. (In Russian)
16. Melikyan V. Yu. *Jetiketnye kommunikemy v sisteme russkogo yazyka* [Etiquette communicemas in the system of the Russian language]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2012, no. 6, pp. 57–62. (In Russian)
17. Parsieva L. K., Gatsalova L. B. *Grammaticheskie sredstva vyrazheniya jemotivnosti v yazyke* [Grammatical means of expression of emotionality in a language]. Vladikavkaz: SIOGSI Publ., 2012. 181 p. (In Russian)
18. Shelestyuk E. V. *Rechevoe vozdejstvie. Ontologiya i metodologiya issledovaniya* [Speech impact. Ontology and research methodology]. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2014. 344 p. (In Russian)
19. Shkopenko T. M. *K probleme lingvisticheskoy kategorizatsii mezhdometij* [To the problem of linguistic categorization of interjections]. *Izvestiya vysshih gumanitarnyh zavedenij. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [News of Higher Humanitarian Institutions. Series «Humanities»], 2016, no. 7 (2), pp. 141–145. (In Russian)
20. Ameka F. Interjections: The universal yet neglected part of speech. *Journal of Pragmatics. Norht-Holland*, 1992, no. 18, pp. 101–118. (In English)
21. Ameka F. The meaning of phatic and conative interjections. *Journal of Pragmatics*, 1992, no. 18, pp. 245–271. (In English)
22. Libert A. R. *On conversational valence and the definition of interjections*. Proceedings of the 42nd Australian Linguistic Society Conference – 2011. Canberra: ANU Research Repository, 2011. pp. 281–295. Available at: https://eprints.soas.ac.uk/23731/1/AustLinguisticSocConf42_2012.pdf. (accessed March 27, 2020). (In English)
23. Matisoff J. *Blessing, curses and fears. Psycho-ostensive expressions in Yiddish*. Philadelphia, PA: Institute for the Study of Human Issues, 1970. 200 p. (In English)
24. Wilkins D. P. Interjections as deictics. *Journal of Pragmatics*, 1992, no. 18, pp. 119–158. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуляева Наталья Ивановна, научный сотрудник сектора литературоведения, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Коми Республика, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, каб. 619), кандидат филологических наук.

guljaevan@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-0800-8296

ABOUT THE AUTHOR

Gulyaeva Natalya Ivanovna, Researcher, Sector of Literary Criticism, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Republic of Komi, Syktyvkar, Communisticheskaya St., 26, office 619), Candidate of Philological Sciences.

guljaevan@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-0800-8296